

Было то или не было... Когда-то давным-давно
Божьим созданиям не было числа, как зернам
пшеницы, а говорить слишком много считалось
грехом...

Присказка турецкой сказки... и армянской

Глава 1

КОРИЦА

Не хули того, что падает с неба. Что бы это ни было. В том числе дождь. Что бы ни обрушилось сверху, грозовой ливень или мокрый снег, не брани то, что для нас уготовили небеса.

Это знает всякий. В том числе и Зелиха. И тем не менее сегодня, в первую пятницу июля, она несется по тротуару вдоль запруженной транспортом проезжей части, отчаянно опаздывая на прием, и ругается, как сапожник, материт на чем свет стоит и разбитую мостовую, и свои высоченные каблуки, и мужика, что за ней увязался, и водителей, которые все как один ошалело гудят, будто клаксонами могут повлиять на пробку, и Оттоманскую Порту, которая когда-то имела глупость завоевать Константинополь и с тех пор упорствует в былых ошибках, и, конечно, этот проклятый летний дождь.

Дождь здесь просто пытка. В других частях света ливень чаще всего оказывается благом. Ему рады посевы, рады животные и растения, а если добавить немного романтики, то ему рады и влюбленные. Во всем мире, но только не в Стамбуле. Здесь дождь не обязательно означает промокнуть. Или даже испачкаться. Нет, он повод разозлиться. Дождь — это ведь грязь, хаос и ярость, словно нам их и без того мало. И еще дождь — это борьба. Всегда. Десять миллионов человек, как барахтаю-

щиеся в воде беспомощные котятa, тщетно сражаются с летящими каплями. Не то чтобы мы были совсем одиноки в этой борьбе. Вместе с нами — улицы с их допотопными названиями, нанесенными по трафарету на жестяные таблички, и разбросанные здесь и там гробницы бесчисленных святых, и горы мусора, поджидающие на каждом углу, и пугающе огромные строительные котлованы, которые скоро превратятся в помпезные современные здания. Мы все злимся, когда небеса, разверзшись, плюют нам на голову.

Но потом, когда на землю падают последние капли, а другие повисают на отмытых от пыли листьях, в беззащитное мгновение, когда мы еще не уверены, что дождь прекратился, и дождь тоже в этом не уверен, в светлый промежуток вдруг снисходит умиротворение. На протяжении одной долгой минуты небо будто извиняется за весь учиненный бардак. А мы, с пропитанными влагой волосами и сырыми обшлагами, все еще уныло и опасливо всматриваемся в прояснившееся лазурное небо. Смотрим и невольно улыбаемся в ответ. Мы прощаем небо. Всегда.

Пока, впрочем, дождь лил как из ведра, а Зелиха вовсе не склонялась к прощению, ибо была без зонта. Дело в том, что она зареклась снова покупать очередной дорогуший зонт у очередного уличного торговца — все равно, дура безмозглая, забудет его неизвестно где при первых лучах солнца. А промокнет до нитки — ну и поделом, сама виновата, тем более что теперь слишком поздно, она и так уже хоть выжимай. Этим дождь похож на горе. Ты изо всех сил стараешься уберечься, но, когда оказывается, что усилия тщетны, перестанешь считать капли и всецело отдаешься обрушившемуся на тебя бурному потоку.

Дождь стекал с ее темных кудрей на широкие плечи. В отличие от всех своих родственниц, Зелиха не выпрямляла и не красила черные как вороново крыло курчавые волосы — родовой признак женщин семьи Казанчи.

В ее зеленых, как нефрит, обычно широко распахнутых глазах блестел живой ум, но порой она щурилась, и тогда они превращались в две равнодушные щелочки. Только три категории людей бывают способны на абсолютное безразличие: безнадежно наивные, безнадежно замкнутые и полные безнадежной надежды. Зелиха не попадала ни в одну из категорий, и было непонятно, откуда берется это, пусть и совсем мимолетное, безразличие. Оно то находило, внезапно окутывая душу дурманом апатии, то исчезало, оставляя Зелиху наедине с собой. Так было и в эту первую пятницу июля. Зелиха ничего не чувствовала, как под наркозом. А для такой темпераментной натуры это очень скверно. Не потому ли она даже не пыталась продираться сквозь толпу, да и с дождем тоже смирилась? У этого безразличия был собственный ритм. Оно накатывало и снова отпускало, а с ним и настроение скакало из крайности в крайность, из жара в холод, туда-сюда, как маятник.

Торговавшие зонтиками, дожdevиками и пестрыми синтетическими шарфами лоточники изумленно наблюдали за несущейся мимо Зелихой. Она не обращала на них внимания, ей вообще удавалось не замечать голодные взгляды мужчин, вечно пожиривших глазами ее тело. От продавцов не ускользнуло и поблескивавшее у Зелихи в носу кольцо, как если бы проколотый нос объяснял все ее нескромное поведение и тем самым сообщал о ее похотливой природе. Пирсинг был для Зелихи предметом особой гордости: она сделала его

себе сама. Было очень больно, зато теперь кольцо стало неотъемлемой частью ее образа, менять который она не собиралась. Пусть мужчины вечно липнут, пусть женщины осуждают, пусть ей не пройти нормально по разбитой мостовой и не запрыгнуть на паром, пусть мама постоянно ворчит — Зелихе все равно. Никакая сила не заставит ее, которая к тому же выше большинства женщин этого города, отказаться от блестящих нейлоновых чулок, ярких мини-юбок, узеньких кофточек, обтягивающих пышную грудь, и от любимых высоченных каблучков.

На беду, Зелиха сделала неосторожный шаг — под распатанным булыжником оказалась лужица, и грязь брызнула на сиреневую юбку. Тут уж девушка разразилась потоком отборной брани. У них в семье никто так не ругался, да и вообще редкая турчанка умела сквернословить столь безудержно, громогласно и со знанием дела. Вспылив, Зелиха обычно уже не останавливалась, будто старалась за всех остальных женщин. Вот и сейчас она на бегу проклинала городские власти, как ныне действующие, так и прошлые, ведь не припомнить даже с самого раннего детства, чтобы эти булыжники хотя бы раз поправили и закрепили раствором после очередного ливня.

Впрочем, не успев завершить нецензурную тираду, Зелиха вдруг запнулась на полуслове, встрепенулась, будто ее кто-то окликнул, и задрала подбородок, но не стала оглядываться по сторонам, а обиженно надула губы и уставилась в мутное небо. Прищурилась, вздохнула смущенно и снова выматерилась, на этот раз досталось проклятому дождю. А это, согласно нерушимым неписаным правилам ее дорогой бабушки Петит-Ма, было чис-

той воды святотатство. Можно не любить дождь, ясное дело, его уж точно никто не обязан любить, но никогда нельзя хулить то, что послано с неба, оно ведь не само на нас льется, а по воле Всемогущего Аллаха. Зелиха отлично знала все нерушимые неписанные правила Петит-Ма, но в эту первую пятницу июля она совсем распустилась и попросту на них плюнула. К тому же сказанного не воротишь и сделанного, кстати, тоже, случилось — и прошло. Зелихе некогда было предаваться сожалениям. Она опаздывала к гинекологу. А это дело серьезное, ведь если видишь, что опаздываешь к гинекологу, бывает проще и вовсе не пойти.

Рядом с ней резко затормозило желтое такси со множеством наклеек на бампере. За рулем сидел звероподобный, чернявый и неопрятного вида дядька, с золотыми зубами и огромными висячими усами, такой в свободное от работы время может и маньяком оказаться. Из открытых окон машины на всю катушку орало местное рок-радио, играла песня Мадонны «Like a Virgin». Кондовый облик таксиста совсем не вязался с его смелыми музыкальными пристрастиями.

Он высунул голову из окна, присвистнул и выкрикнул:

— Я бы не отказался!

Зелиха не дала ему продолжить:

— Ты что, больной? Женщине уже и по улице спокойно не пройти?

— Зачем идти? Я могу подвезти, — возразил таксист. — Не жалко такое шикарное тело мочить?

Под вопли заливавшейся Мадонны: «Мой страх быстро тает. Я берегла свою любовь для тебя», Зелиха разразилась новой порцией отборной брани,

преступая тем самым еще одно нерушимое неписаное правило, на этот раз не из заповедей Петит-Ма, а из собственных правил женского благоразумия: когда пристают, не огрызайся.

Золотое правило благоразумия стамбульской женщины: когда донимают на улице, не отвечай. Если ответишь или — боже упаси! — огрызнешься, только подольешь масла в огонь и раззадоришь мужа.

Зелиха не понаслышке знала золотое правило и понимала, что нарушать его никак нельзя, но сегодня была особенная пятница. Казалось, с цепи сорвалась еще одна Зелиха — беззаботная, отвязная и яростная. Эта вторая Зелиха целиком завладела ее сознанием, приняла на себя командование и решала за обеих. Вот почему девушка продолжала ругаться во весь голос, заглушая даже Мадонну, а прохожие и продавцы зонтиков стали собираться посмотреть на заварушку. Мужчина, который плелся за ней хвостом, испугался возникшей суматохи и дал деру, решив не связываться с психопаткой. А вот таксисту скандал был нипочем, он явно не отличался здравомыслием, был не из робкого десятка и только одобрительно ухмылялся. Зелиха невольно заметила, какие у него прекрасные белоснежные зубы, — наверное, поставил фарфоровые коронки. Она снова почувствовала, как внутри поднимается волна адреналина, все нарастает, нарастает, так что даже живот сводит, сердце бьется, как бешеное, и, кажется, недолго прикончить кого-нибудь. Уж если у них в роду кому-то суждено стать убийцей, то, очевидно, ей.

Зелихе повезло: в этот самый миг водитель тащившейся за такси «тойоты» потерял терпение и принялся сигналить. Она словно очнулась от

страшного сна, осознала происходящее и ужаснулась тому, в какое незавидное положение попала. И, как всегда, испугалась своей склонности к насилию. Она тотчас замолчала, развернулась и попыталась потихоньку выскользнуть из толпы. Но, увы, слишком поспешила, оступилась, и правый каблук застрял под шатким булыжником. Зелиха яростно дернула ногу и высвободила туфлю, но каблук сломался, напомним об одном правиле, которое ей следовало соблюдать прежде всего.

Серебряное правило благоразумия стамбульской женщины: когда пристают на улице, держи себя в руках. Потеряв самообладание, женщина может слишком бурно отреагировать и только навредит себе.

Таксист захохотал, «тойота» снова засигналила, дождь припустил, а прохожие дружно зацокали языками. Непонятно, правда, что именно они так осуждали. И тут Зелиха заметила радужную наклейку на бампере такси «НЕ НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ДЕРЬМОМ. У ДЕРЬМА ТОЖЕ ЕСТЬ СЕРДЦЕ». Девушка стояла, тупо уставившись на надпись, и вдруг почувствовала беспредельную усталость и оцепенение, словно это вовсе не будничные проблемы, знакомые каждому стамбульскому жителю. Похоже, в этих буквах был зашифрован некий таинственный код, специально придуманный лично для нее неведомой разумной силой, код, который ей, простой смертной, не дано разгадать за отпущенный короткий срок. Такси и «тойота» наконец уехали, да и столпившиеся вокруг зеваки стали расходиться, а Зелиха так и стояла, сложив руки нежно и печально, словно держала не каблук, а мертвую птичку.

В сумбурном мире Зелихи, пожалуй, могло найтись место мертвым птицам, но никак не печали и нежности. Ей такого добра не надо. Она выпрямилась и по возможности элегантно поковыляла на одном каблуке. Не прошло и минуты, как она уже неслась среди зонтиков, сверкая потрясающими ногами и немного прихрамывая на ходу, выбиваясь из общего ритма, как диссонирующая нота. Непокорной сиреновой нитью вплеталась она в бесконечное серо-коричневое людское полотно. Да, она выбивалась из общей массы, но толпе все же удалось заглотить ее в необъятное чрево, подчинить своему руслу. Толпа эта не была случайным скопищем сотен потных, измученных, тяжело дышащих тел — под дождем мокло одно потное, измученное, тяжело дышащее тело. Не так уж важно, солнце или дождь. Идти по Стамбулу — значит, идти в ногу с толпой.

Вдоль Галатского моста выстроились десятки грубоватого вида рыбаков. Они стояли молча, бок о бок, у каждого в одной руке зонтик, в другой — удочка. Проходя мимо них, Зелиха позавидовала их способности стоять так, не шелохнувшись, и часами выжидать рыбу, которая никогда не клюнет. А если и удастся что-то выловить, то только такую жалкую мелочь, которая разве что сгодится на наживку для рыбы покрупнее, а та уж точно никогда не клюнет, потому что ее тут нет. Удивительная способность делать так много, не делая, по сути, ничего, и в итоге возвращаться домой с пустыми руками, но с чувством глубокого удовлетворения. В этом мире безмятежность была залогом удачи, а удача — источником блаженства. Так предполагала Зелиха. По этому конкретному поводу она могла лишь строить догадки, ведь

подобную безмятежность она не знала и вряд ли узнает. По крайней мере, не сегодня. Уж точно не сегодня.

Несмотря на спешку, она завернула на Гранд-базар и замедлила шаг. На покупки времени не было, только взглянуть, убеждала она себя, обозревая витрины. Она закурила, и с первыми же колечками дыма ей стало лучше, почти совсем отпустило. Стамбульцы были невысокого мнения о женщинах, которые курят на улице, ну и плевать. Она и так уже объявила войну этому обществу. Зелиха передернула плечами и направилась в старейшую часть базара.

Многие торговцы знали ее по имени, особенно ювелиры. У Зелихи была неодолимая тяга к блестящим побрякушкам. Хрустальные заколки, брошки со стразами, яркие сережки, жемчужные бутоньерки, шарфы с зебровым узором, атласные сумочки, шифоновые платки, шелковые помпоны и... туфли, всегда на высоченном каблуке. Еще не было случая, чтобы она просто так прошла мимо базара. Оказавшись здесь, она непременно должна заскочить хотя бы в пару лавок, поторговаться с хозяевами и в итоге заплатить куда меньше запрошенной суммы за кучу вещей, которые вовсе и не собиралась покупать. Но сегодня она лишь пробежалась вдоль рядов, мельком глянув на витрины, вот и все.

Зелиха задержалась у лотка, на котором пестрело множество баночек, склянок и бутылочек со всевозможными травами и пряностями. Она вспомнила, что утром одна из сестер, какая именно, напрочь забылось, попросила ее купить корицы. Четыре сестры, среди которых Зелиха была самой младшей, никогда ни в чем не соглашались, но

каждая была неизменно убеждена в собственной правоте, а также в том, что остальным есть чему у нее поучиться, а вот ей у них — учиться, конечно, нечему. Это как проиграть в лотерею, поскольку твой билет на одну-единственную цифру отличается от счастливого. Как ни крути, ты всегда оказываешься жертвой непоправимой несправедливости. Зелиха купила корицы, не в порошке, а целые палочки. Торговец пригласил ее попить чая, выкурить сигаретку и немного поболтать. Девушка согласилась на все три предложения. Сидя в лавке, она равнодушно рассматривала полки, и вдруг взгляд ее остановился на наборе чайных стаканчиков. К ним Зелиха питала особую слабость. Разве можно не купить эти стаканчики, все в золотых звездочках, а заодно изящные ложечки и тоненькие блюдца с золотой каемкой? У них дома уже не меньше тридцати подобных сервизов, и все ее приобретения. Но еще один не помешает, ведь они так легко бьются.

— Такие хрупкие, черт возьми... — чуть слышно прошептала Зелиха.

Из всех дам семейства Казанчи только она приходила в ярость, когда чайные стаканчики разбивались. Между тем Петит-Ма, старушка семидесяти семи лет, смотрела на это совсем иначе.

— Вот опять дурной глаз! — восклицала Петит-Ма всякий раз, когда очередной стаканчик давал трещину, а потом разлетался на осколки. — Слышали этот жуткий звук? Кряк! Ох, как в сердце-то отозвался! Не иначе сглазить нас хотят какие-то злобные завистники. Да хранит нас всех Аллах!

Петит-Ма облегченно вздыхала всякий раз, когда разбивался стакан или трескалось зеркало.

Уж коли мы не в силах смести с лица земли всех злых людей, пусть уж лучше стекло принимает удар и не дает дурному глазу губить невинные божьи создания, проникая прямо в их души.

Двадцать минут спустя Зелиха, со сломанным каблуком в одной руке и чайным сервизом в другой, влетела в шикарный кабинет гинеколога в одном из самых дорогих районов города. В дверях она поняла, что забыла на Гранд-базаре сверток с корицей.

В приемной ожидали три женщины с жуткими волосами и мужчина вовсе без волос. Со свойственным ей цинизмом Зелиха сразу сделала выводы. По позам все уже ясно. Меньше всех из них волновалась самая молодая. Она со скучающим видом просматривала картинки в женском журнале, читать статьи ей было явно лень — наверное, пришла за новым рецептом на противозачаточные таблетки. У окна нервно раскачивалась блондинка с непрокрашенными корнями, лет эдак тридцати с небольшим, — надо думать, явилась на профилактический осмотр и сдать мазок из шейки матки. Третья была в платке, с мужем и переживала больше всех. Уголки рта скорбно опущены, брови нахмурены. Наверное, забеременеть не может. Для кого-то, подумала Зелиха, это причина несчастья, хотя как посмотреть. Лично она не считала бесплодие худшим, что может случиться с женщиной.

— Пррривет!!! — прощebetала секретарша, изображая на лице очередную идиотскую фальшивую улыбку, которая была так хорошо отработана, что не казалась уже ни идиотской, ни фальшивой. — Вы у нас на трррри?

Секретарше, кажется, не давался звук «р», но она всеми силами старалась компенсировать картавость, и всякий раз, когда приходилось произносить злополучную букву, говорила громче и раскатистей и расплывалась во внеочередной улыбке. Желая помочь бедняжке, Зелиха поспешно и, наконец, чересчур радостно закивала.

— И зачем же именно вы к нам пожаловали, Мисс-Три-Часа?

Зелиха предпочла не думать о том, насколько глупым был вопрос. Она слишком хорошо понимала, что сама была напрочь лишена подобной безусловной жизнерадостности, которую многие женщины излучают по любому поводу и при любых обстоятельствах. Иные женщины улыбались всегда, как на посту, улыбались с истинно спартанской выдержкой, будто по велению долга. Это же неестественно, но у секретарши так естественно получается. Интересно, где она только научилась?..

Вопрос этот мучил Зелиху, но она отогнала его и спокойно ответила:

— Аборт.

Слово повисло в воздухе, и все присутствующие будто следили, как оно медленно опускается. Секретарша прищурилась, потом вылунила глаза, с ее лица сошла улыбка. Зелихе невольно стало легче. В конце концов, такая безусловная и всеобъемлющая жизнерадостность пробуждала в ней жажду мести.

— У меня прием назначен, — сказала Зелиха, запроваля за ухо локон, в то время как вся масса ее темных кудрей ниспадала на плечи и обрамляла лицо, словно черное покрывало. Она выпятила подбородок, выставив вперед свой орлиный нос, и повторила на полтона громче, чем собиралась,

а может быть, ровно так, как надо. — Я пришла сделать аборт.

Секретарша замерла перед огромным кожаным гроссбухом, не зная, что делать: то ли смерить нахалку осуждающим взглядом, то ли невозмутимо зарегистрировать очередную пациентку. Прошло еще несколько секунд, прежде чем она опомнилась и принялась что-то строчить.

— Простите, что опоздала. — Зелиха взглянула на стенные часы, и у нее потемнело в глазах: она опоздала на сорок шесть минут. — Это все дождь.

Что было не вполне справедливо, потому что опоздание можно было с тем же успехом свалить и на пробку, и на разбитую мостовую, и на городские власти, и на увязавшегося за ней мужика, и на таксиста, не говоря уже об остановке на базаре. Но Зелиха предпочла умолчать обо всех этих обстоятельствах. Да, она нарушила золотое правило благоразумия стамбульской жительницы, она также нарушила и серебряное правило благоразумия стамбульской жительницы, но она верно следовала бронзовому правилу.

Бронзовое правило благоразумия стамбульской жительницы: когда к тебе пристают на улице, уходи и постарайся поскорее забыть всю историю. Потому что весь день вспоминать о таком — только зря переживать.

Зелихе хватало ума понять: если сейчас она расскажет, что к ней приставали на улице, другие женщины не поддержат ее, — напротив, в таких случаях они обычно еще и осуждают жертву оскорбления. Поэтому Зелиха не стала распространяться и свалила все на дождь.

— Сколько вам лет, девушка? — поинтересовалась секретарша.

Опять этот идиотский вопрос, причем совершенно неуместный. Зелиха поглядела на секретаршу прищурившись, словно приноравливаясь к полутьме.

Она вдруг вспомнила про этот печальный факт: свой возраст.

Как и многие женщины, привыкшие держаться старше своих лет, Зелиха очень злилась оттого, что на самом деле была куда моложе, чем хотела.

— Мне девятнадцать, — призналась она и тотчас покраснела, словно все эти люди вдруг увидели ее голой.

— Нам, конечно, необходимо получить согласие вашего мужа. — Секретарша больше не щebetала и незамедлительно задала следующий вопрос, уже догадываясь, какой будет ответ. — Позвольте спросить, вы замужем?

Краем глаза Зелиха заметила, что полная блондинка справа и женщина в платке смущенно заерзали. Под тяжелыми испытующими взглядами всех присутствующих кривившая ее губы усмешка превратилась в блаженную улыбку. Не то чтобы она получала особое удовольствие от неловкости, но затаившееся в глубине души безразличие только что шепнуло, что на мнение других можно плюнуть, в конечном итоге оно ничего не меняет. Она недавно решила изгнать из своего лексикона некоторые слова, так почему же не начать прямо сейчас со слова «стыд»? И все же ей не хватило духа произнести вслух то, что и без того было ясно всем в этой комнате. Не было никакого мужа, некому было давать согласие на аборт. Не было никакого отца. Вместо папы — только пустота. Но Зелихе повезло: с точки зрения формальностей,

отсутствие мужа облегчало дело. Судя по всему, ей не требовалось ничье письменное согласие. Бюрократические правила были направлены на спасение младенцев, зачатых в законном браке, а внебрачных детей никто особо не стремился спасти. В Стамбуле ребенок без отца был очередным ублюдком, а ублюдок — это просто очередной расшатавшийся больной зуб, готовый в любой момент выпасть из пасти города.

— Место рождения? — Уныло продолжала секретарша.

— Стамбул!

— Стамбул?

Зелиха передернула плечами, что за вопрос? Где же еще, черт возьми?! Она же часть этого города! Разве у нее на лице не написано? Зелиха считала себя истинной стамбулкой. Словно укоряя секретаршу, не увидевшую столь очевидного, Зелиха развернулась и, не дожидаясь приглашения, плюхнулась в кресло рядом с женщиной в платке. Только тут она заметила мужа несчастной, который сидел неподвижно, словно оцепенев от смущения. Похоже, он-то как раз не осуждал Зелиху, ему было и без того мучительно неловко быть единственным мужчиной в этом женском царстве. Зелихе даже жалко его стало. Она подумала, не предложить ли ему выйти на балкон покурить — в том, что он курит, она не сомневалась. Но это могли неправильно понять. Незамужняя женщина не делает таких предложений женатым мужчинам, а женатый мужчина в присутствии жены мог проявить враждебность по отношению к другой женщине. И почему так сложно подружиться с мужчинами? Почему это всегда так? Почему нельзя просто выйти на балкон, покурить вместе, перебраться парой слов, а потом снова разойтись?

Довольно долго Зелиха сидела неподвижно. И не потому, что смертельно устала, и не потому, что ее достало всеобщее внимание, а просто потому, что ей хотелось посидеть у открытого окна, она соскучилась по звукам улицы. Вот раздался хриплый голос разносчика:

— Апельсины! Свежие, ароматные апельсины!

— Отлично, давай кричи дальше, — пробормотала Зелиха.

Она не любила тишину. Ничего, что люди вечно смотрят на нее на улице, на базаре, в приемной у врача, здесь и там, днем и ночью, ничего, что они пялятся на нее, разглядывают с ног до головы, потом снова лупят глаза, словно впервые видят. Она всегда могла как-то отразить их взгляд. А вот перед их молчанием она была беззащитна.

— Эй, апельсинщик, почему килограмм? — закричала женщина из верхнего окна на другой стороне улицы. Поразительно, как молниеносно, без малейшего усилия, горожане придумывали невероятные названия для самых обыденных профессий. Нужно только прибавить суффикс «-щик» к любому товару на рынке — и вот уже можно включать очередное наименование в бесконечный список городских профессий. Так что в зависимости от предлагаемого товара тебя могли назвать апельсинщиком, зеленщиком, крендельщиком или... абортчиком.

К тому времени Зелиха уже не сомневалась. Но хотя и так знала, для верности сделала тест в новой клинике по соседству. В день торжественного открытия там устроили пышный прием для избранной публики, а снаружи все разукрасили венками и букетами, чтобы и прохожие были в курсе. Зелиха поспешила туда назавтра. Цветы уже поникли, но по-прежнему пестрели флаеры с надпи-

сю большими сияющими буквами: «К КАЖДОМУ ТЕСТУ НА САХАР — ТЕСТ НА БЕРЕМЕННОСТЬ БЕСПЛАТНО». Зелиха понятия не имела, как сахар связан с беременностью, но все равно сдала анализ. Оказалось, что сахар в норме. Еще оказалось, что она беременна.

— Заходите, девушка, — позвала стоявшая в дверях секретарша, в который раз за день сражаясь со словом «доктор», опять это несчастное «р». — Доктор ждет.

Зелиха вскочила, в одной руке каблук, в другой — коробка с сервизом. Она почувствовала, как все уставились на нее, следят за каждым шагом, — и не побежала, как обычно, со всех ног. Нет, она двигалась медленно, почти томно. На пороге Зелиха остановилась и, как по команде, обернулась. Будто знала, на кого смотреть. Женщина в платке глядела мрачно, лицо ее исказилось от злости, она беззвучно шевелила губами, проклиная и доктора, и девицу. Почему Аллах послал дитя не ей, а этой вертихвостке?

Доктор, крупный, сильный мужчина, держался уверенно и очень прямо. Не чета секретарше, смотрел без осуждения и не задавал глупых вопросов. Казалось, он радушно приветствует Зелиху. Дал ей подписать какие-то одни бумаги, потом другие, вдруг что-то случится во время или после операции. Рядом с ним Зелиха чувствовала, как теряет самообладание и будто обмякает. И это никуда не годилось, потому что, если потеряешь самообладание и обмякнешь, станешь сразу вся как хрупкий стаканчик для чая, а когда ты как хрупкий стаканчик для чая, то и расплакаться недолго. Этого она терпеть не могла. Зелиха с раннего детства глубоко презирала слезливых баб и поклялась,

что, когда вырастет, ни за что не станет такой, как эти плаксы, от которых просто житья нет, вечно ноют, на все жалуются и все вокруг слезами заливают. Она запретила себе плакать. И до сегодняшнего дня вроде держала слово. Если слезы вдруг подступили, надо вдохнуть и вспомнить обет никогда не плакать. Так и сегодня, в первую пятницу июля, она попробовала, как обычно, подавить слезы: глубоко вдохнула и гордо выпятила подбородок, смотрите, мол, какая я сильная. Только вот на этот раз вышла осечка, и на выдохе Зелиха всхлипнула.

Доктора это нисколько не удивило. Он привык. Женщины всегда плачут.

— Ну-ну, будет, — проговорил он, натягивая перчатки, — все обойдется, не бойтесь. Это же просто как подремать. Поспите немного, может, сон вам приснится, только вы его даже досмотреть не успеете, мы вас уже разбудим и домой отправим. Вы и не запомните ничего.

Когда Зелиха плакала, черты ее заострились, а щеки западали, что сразу подчеркивало самую выразительную и без того самую заметную часть ее лица. Нос. А нос у нее был и правда выдающийся, орлиный. Все сестры унаследовали такой от отца, но у нее он был горбатее и длиннее.

Доктор похлопал Зелиху по плечу и протянул ей бумажный платок, а потом и всю коробку. Он всегда держал на столе запасную упаковку платков. Фармацевтические компании рассылали их бесплатно. Помимо разной ерунды с логотипами, всяких ручек и блокнотов, они выпускали еще и носовые платки для вечно плачущих пациенток.

— Инжир, вкусный инжир, отличный спелый инжир! — донеслось из окна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Корица	7
Глава 2. Нут	48
Глава 3. Сахар	66
Глава 4. Жареный фундук	79
Глава 5. Ваниль	98
Глава 6. Фисташки	117
Глава 7. Пшеница	154
Глава 8. Кедровые орешки	192
Глава 9. Цедра	212
Глава 10. Миндаль	233
Глава 11. Курага	269
Глава 12. Зерна граната	282
Глава 13. Сушеный инжир	304
Глава 14. Вода	322
Глава 15. Золотой изюм	338
Глава 16. Розовая вода	370
Глава 17. Белый рис	411
Глава 18. Цианистый калий	421